

ПРОФСОЮЗЫ И РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА В 1920-е гг.: РИТОРИКА И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

К середине 1920-х гг. в экономике страны на первый план вышла задача рационализации производства, составной частью которой являлась проблема повышения производительности труда. Рационализация осуществлялась в ходе массовых хозяйственных кампаний. При этом важную роль играли профсоюзы. Они продвигали партийные установки через свои органы на предприятиях (фабзавкомы, цеховые бюро и цеховые комиссии, производственные совещания), агитируя и разъясняя суть мероприятий. Большое значение приобрела деятельность орга-станций по внедрению научной организации труда на производстве.

Увеличение интенсивности труда, проведение режима экономии, в том числе и за счет социальных расходов, перевод на многостаночную и конвейерную работу во многом позволили добиться поставленных целей, но отрицательно сказывались на условиях труда и быта рабочих, и, нередко, приводили к забастовкам. Таким образом на практике проявлялась противоположность социальных интересов рабочих и руководителей предприятий и ведомств. В этих условиях основная функция профсоюзов по защите трудящихся приобретала исключительное значение. Им приходилось отражать волны справедливого недовольства, стремиться сглаживать конфликтные ситуации.

Ключевые слова: советские профсоюзы, нэп, Томский, повышение производительности труда, забастовки, заработная плата.

Проблеме рационализации производства в 1920-е гг. посвящено значительное количество работ. В советской историографии она рассматривалась в основном с точки зрения развития технического творчества рабочих, свидетельствовавшего об особенностях и преимуществах труда при социализме [13; 21; 17 и др.]. Современные историки подходят к этой проблеме в русле социальной истории. Они изучают, прежде всего, мотивацию и стимулирование труда, отношение рабочих к хозяйственным кампаниям, значение и организационную сторону их проведения [14; 24; 12; 18; 30; 6 и др.].

Что касается истории профсоюзов, то в советской историографии существовал определенный стереотип в изложении места и роли профсоюзов в политической системе страны. В многочисленных работах подчеркивалась руководящая роль большевистской партии, а деятельность профсоюзов представлялась как дублирование партийных решений и отчеты по их выполнению. Интерес современных исследователей – не только историков, но и политологов, социологов и участников профсоюзного движения – к изучению истории советских профсоюзов проявился со второй половины 1980-х гг. Он был связан как с появившимися возможностями для переосмысления многих исторических сюжетов, так и с актуальными общественными потребностями: возрождением рабочего движения и организацией

новых независимых профсоюзов [15; 16; 11; 19; 4; 5; 25 и др.].

В предлагаемой работе многие вопросы социальной и экономической истории (политика заработной платы, мотивация труда, деятельность профорганов различного уровня, настроения рабочих, внедрение НОТ, пути совершенствования производства) рассматриваются с точки зрения участия и влияния на них профессиональных союзов.

В теоретических представлениях о социализме важное место занимало представление о нем как строе с высокой производительностью труда. Однако, придя к власти, большевики столкнулись с кризисом экономики и, как следствие, с колоссальным падением производительности труда. В годы военного коммунизма падение производства продолжалось, шло «проедание» дореволюционного наследия, а главным принципами мотивации труда являлись принуждение и насилие [2].

Сначала новая власть пыталась опереться на моральные стимулы, делая ставку на сознательность и творчество трудящихся. Однако в целом эта попытка не только не увенчалась успехом, но и привела к дальнейшей деградации дореволюционной системы стимулирования труда и развалу производства [18. С. 70-75]. Возможно, свою деструктивную роль сыграла и предреволюционная

пропаганда, сеявшая пустые ожидания¹. В период военного коммунизма резко упала роль материального вознаграждения в системе мотивов и побуждений к труду. По сути, произошла деградация трудовых отношений, и единственным стимулом к труду стала каждодневная борьба за выживание².

Завершение гражданской войны и переход к восстановлению экономики выдвинул на первый план необходимость принятия мер по стимулированию труда и повышению его производительности. «Теперь мы должны побеждать не путем приказаний и монопольного положения, а путем лучшей работы», - заявил председатель ВСНХ А. И. Рыков на IV всероссийском съезде совнархозов.

Проведение в жизнь нэпа предусматривало также децентрализацию управления отраслями, перевод трестов на хозрасчет, введение материального стимулирования рабочих. Из-за крайней ограниченности ресурсов ставилась задача как можно быстрее провести концентрацию промышленных предприятий, а на оставшихся организовать эффективное производство. Формирование рынка труда и конкурентной среды, в свою очередь, привели к появлению социальной напряженности на производстве. Советская историография умалчивала о том, что нередко рабочие относились враждебно к коллегам по профессии на других предприятиях, потому что видели в них тех людей, которые займут их рабочие места в случае увольнения. Проявления антагонизма наблюдались и внутри инженерного корпуса³.

¹ В этой связи показательно описание агрессивных настроений и потерю стимулов к добросовестной работе на фабриках Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина после революции 1905 г.: «Мельчайший факт случайно оказанного им невнимания служит источником возбуждения. В каждый данный момент нельзя поручиться, что они не явятся с каким-нибудь требованием или претензией... Везде, при каждом требовании лучшей или интенсивной работы наталкиваясь если не на явный протест, то на скрытую оппозицию, при жалобах на судьбу и несчастное положение рабочего человека... Социал-демократическая пропаганда настолько подогрела ненависть и недоверие, что всякое требование сносной, добросовестной работы понимается как грубая эксплуатация и посягательства на права пролетариата». [Цит. по: 7. С. 347].

² Например, средняя зарплата петроградского рабочего в мае 1918 г. с учетом покупок на вольном рынке обеспечивала ему всего лишь 1900 калорий в сутки. При этом физиологический минимум, то есть затраты энергии только на поддержание жизнедеятельности организма без работы, равнялся по дореволюционным нормам 2300 калориям. [27. С. 9-10].

³ В частности, по этой причине в декабре 1924 г. отмечалось враждебное отношение рабочих московского фармзавода имени Семашко к рабочим завода бывшего Чепелевского и

В связи с курсом на повышение производительности труда специалисты стремились продемонстрировать свой профессионализм в организации производства. Появилась конкуренция и между государственными и частными предприятиями за получение заказов.

Производственные совещания и повышение производительности труда

С 1924 г. на предприятиях стали активно действовать производственные совещания и производственные комиссии, деятельностью которых руководили фабзавкомы, а в пределах губерний – отраслевые отделения союзов. Проводились общезаводские совещания и конференции. Только на 451 предприятии РСФСР, где работало 855 тыс. человек, участники производственных совещаний внесли в 1927 г. 31 тыс. рационализаторских предложений, 80 % из которых было внедрено в производство [22. С. 17].

Однако высокая активность производственных комиссий, выражавшаяся и в большом количестве заседаний, и в немалом количестве поступавших предложений, и в высоком проценте их реализации, далеко не всегда свидетельствовали об эффективности работы. Так, основываясь на практике завода «Серп и молот», известный историк А. К. Соколов считал, что «подобная организаторская суэта была скорее способом отчитаться наверху о том, насколько широко развернута работа по рационализации и НОТ» и должна была давать большую отдачу [18. С. 116].

Курс на активное привлечение рабочих к участию в производственных совещаниях мотивировался ВЦСПС необходимостью еще большего привлечения к социалистическому строительству самых широких масс. Профорганы направляли внимание производственных совещаний на обсуждение задач реконструкции хозяйства, разработку мер по снижению себестоимости продукции, рационализации производства и управленческих аппаратов.

С лета 1924 г. на предприятиях был взят курс на повышение производительности труда. В подготовке кампании принимали участие и профсоюзы. Совместно с хозяйственниками они прорабатывали вопросы соотношения производительности труда и заработной платы. Почти сразу же возник конфликт: профессионалисты опасались не без оснований, что повышение производительности труда будет осуществляться исключительно

антагонизм между инженерами завода АМО. Центральный архив ФСБ России (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2, Оп. 3, Д. 623, Л. 123, 125 об.)

но за счет интенсификации труда, а хозяйственники утверждали, что будет также проводиться рационализация производства и управления. На практике оказалось, что ключевым моментом кампании является проблема заработной платы. Если в первой половине 1920-х гг. повышение зарплаты связывалось с необходимостью обеспечить прожиточный минимум рабочей семьи, то теперь во главу угла был поставлен принцип опережающего роста производительности труда. Таким образом, социальные приоритеты были принесены в жертву экономике.

Первое время, выступая на конференциях и производственных совещаниях, профессионалисты пытались убеждать рабочих, что повышение производительности труда не означает исключительно увеличение их физических затрат, но связано также с улучшением организации труда и обновлением оборудования. Но уже в ноябре 1924 г. на VI Всесоюзном съезде профсоюзов СССР было заявлено о единстве позиций профсоюзов и хозяйственников. В резолюции съезда «Тарифно-экономическая работа союзов» также отмечалась большая роль производственных совещаний в разъяснительной работе в целом и при проведении конкретных мер по повышению производительности труда [32. С. 459–461].

Тем не менее, производительность труда на многих предприятиях не повышалась, прежде всего, по объективным причинам: из-за плохого качества сырья и подсобных материалов, изношенности оборудования. В связи с этим особенно тяжелая ситуация сложилась в текстильной промышленности. Например, на льнопрядильной фабрике имени Рудзутака (Богородский уезд), насчитывавшей около полутора тысяч рабочих, из-за перебоев в снабжении сырьем и вспомогательными материалами в ткацком отделе из 512 станков работало только 150. В швейном отделе из 200 машин - 40. К тому же из-за отсутствия фуража пришлось продать всех фабричных лошадей¹. Огромные простои оборудования наблюдались и на хлопчатобумажной фабрике «Красный текстильщик» (Серпуховской уезд), на которой работало 5600 рабочих. С 6 по 20 декабря 1924 г. из-за недостатка ровницы на фабрике простаивало около 80 тыс. веретен. «Рабочие говорят, - сообщалось с фабрики, - если администрация не примет никаких мер к упорядочению производства, то рабочие не выдержат и прекратят работу»².

Текстильщики бурно реагировали на начавшийся переход к работе на увеличенном числе

станков и сторонков. На Ликинской прядильной фабрике (Орехово-Зуевский уезд) они соглашались перейти на 3 станка при условии улучшения качества основы и утка, так как из-за плохого качества сырья очень трудно было выработать норму. Например, в мюльном отделе фабрики из 100 человек норму выработывали только 6³. А на Трехгорной мануфактуре, когда несколько прядильщиц согласились добровольно перейти на три сторонки, остальные работницы не допустили их к станкам и чуть не избили помощника директора фабрики и председателя завкома. Администрации пришлось отступить, но уже через месяц в прядильном цехе Трехгорки появилось объявление о переходе на работу в три сторонки, вызвавшее новую волну возмущения⁴.

Работа по новым повышенным нормам даже на сравнительно благополучных фабриках не позволяла ткачихам выработать прожиточный минимум. Так на кружевной фабрике «Ливерс» в Хамовниках после повышения норм выработки в декабре 1924 г. производительность труда упала на 18,6 % по сравнению с ноябрем⁵. Массовые жалобы на этой почве имели место на текстильных предприятиях не только Московского региона, но и в Иваново-Вознесенской, Ярославской, Владимирской и Костромской губерниях.

В этих непростых условиях представители администрации и профсоюза зачастую вместо проведения разъяснительной работы грубо одергивали и оскорбляли рабочих. Именно в такой атмосфере прошло обсуждение перехода на три станка на фабрике Высоковской мануфактуры (Клинский уезд), на которой работало 3,5 тыс. человек. На созванном для этого 10 февраля 1925 г. производственном совещании и так чувствовалось отрицательное отношение рабочих, но обстановка особенно накалилась, когда председатель уездного союза текстильщиков член РКП Сорокин грубо обратился к рабочим: «Ну, вы, вороны, раскричались. Когда вы будете, как следует, сидеть на собраниях? Вы спрашиваете, как будет производиться переход на три станка? Мы дураков не переводим, дуракам на трех станках работать не дадут, а переведем тех, кто может работать». В ответ поднялся сильный шум, раздались возгласы: «А, мы – дураки, так бы давно и сказали нам»⁶.

³ Там же, Л. 27.

⁴ Там же, Л. 9, 35.

⁵ Там же, Л. 51.

⁶ ЦА ФСБ РФ, Ф. 2, Оп. 3, Д. 624, Л. 43. Как бы объясняя причины такого поведения Сорокина, далее в сводке сообщался типичный факт: перед началом совещания на квартире директора фабрики происходила совместная выпивка администрации и представителя профсоюза.

¹ ЦА ФСБ РФ, Ф. 2, Оп. 3, Д. 624, Л. 16.

² Там же, Л. 18.

Вслед за этим выступил один рабочий, который сказал, что на шею рабочих надет хомут. Все попытки выступить членов партии успеха не имели, так как рабочие им говорить не давали. Кончилось собрание демонстративным уходом рабочих.

Протест против интенсификации труда, приводившей к снижению заработной платы, выражался в разных формах. Например, на текстильной фабрике «Рольма» (Ярославль) рабочие пускали станки вхолостую и, когда их спрашивали, зачем они это делают, отвечали: «Поднимаем производительность». На Ликинской фабрике Орехово-Зуевского треста было сорвано собрание, посвященное годовщине смерти Ленина, раздавались призывы бить докладчиков и фабком¹.

На многих текстильных фабриках прошли забастовки. Одна из самых значительных и по продолжительности (4 дня), и по количеству участников (5 тыс. рабочих), и по организованности и влиянию на другие предприятия состоялась в мае 1925 г. на Тейковской мануфактуре (Иваново-Вознесенской губ.). Причиной забастовки послужил перевод на 3 станка и 4 сторонки, сделанный администрацией и фабкомом без обсуждения с рабочими. Бастующие потребовали отменить новый метод работы, уплатить за простои во время предыдущих забастовок в феврале и марте, принять обратно уволенных после этих забастовок, немедленно уволить директора и председателя фабкома [26. С. 286, 291]².

Масштаб недовольства был таков, что о ситуации в отрасли пришлось публично высказаться руководству профсоюзов. В частности, председатель ВЦСПС М. П. Томский заявил:

«Чем рабочие недовольны? А недовольны тем: вот стоит машина конструкции 1909 г., а рядом стоит машина конструкции 1876 г. Расценка сделана на обе машины одинаковая. На одной машине, если надо переменить шпульку, то она так приспособлена, что все нитки обязательно должны лопнуть, и работница должна их пересучивать. На другой машине этого нет, а оплата одинаковая. Одна машина работает с музыкой, как радиостанция, передающая концерты, другая машина хорошая. Хлопок плохой и получается плохая пряжа. Ввиду того, что мы по части самобытных изобретений далеко шагнули, и тут-то поставили такую суконочку на этой машине. Машина не была рассчитана на такую добавочную суконочку и нитки проклятые так тебе и рвутся, пересучи-

¹ ЦА ФСБ РФ, Ф. 2, Оп. 3, Д. 1047, Л. 1.

² Примечательно, что забастовкой руководила инициативная группа из 15 бывших коммунистов и 20 беспартийных. Возглавляла группу бывшая член РКП и цеховая делегатка Малеева.

вать их надо. А дали работнице что-нибудь за эту суконочку? Да ничего. Работница говорит: «Либо ты суконочку сними, либо дай дополнительно: я больше работаю, пересучиваю». А как вы думаете, разве это не интересная тема для производственного совещания? А там были производственные совещания. Чем они занимались?

Разве мы не видим теперь, что в некоторых местах производительность труда поднялась, а заработная плата понизилась? Бывали такие случаи? Может быть, у вас не бывали, а в других местах бывали. Почему это произошло? Разве снизили основную ставку? Нет, на нормах ошиблись³.

Следует отметить, что эти, по выражению Томского, ошибки на нормах в подавляющем большинстве случаев были в сторону повышения, а расценки пересматривались исключительно в сторону понижения, что вызывало большое недовольство и приводило к забастовкам [3. С. 211-214; 21]⁴.

Научная организация труда

Перспективы повышения производительности труда в 1920-е гг. во многом связывались с

³ Труд. 1925. 30 мая.

⁴ В 1926 г. на предприятиях были созданы Технонормировочные бюро (ТНБ). Они не устанавливали расценок, а являлись консультантами РКК. В результате работы ТНБ нормы, перерабатывавшиеся раньше на 45-50 %, перерабатываются не более чем на 5-7 %. На совещании в МГСПС в апреле 1928 г. впервые обсуждалась практика их работы. Как организационная структура, так и методы их работы были очень разные. На совещании в МГСПС наиболее полную картину своей работы представил зав. ТНБ Арматреста. Свою работу в 1926 г. он начал с введения рабочих карточек, в которых указывалось наименование изделия, разряд работы, расценка, время начала и окончания работы. Карточка выдавалась одновременно с зарплатой и оставалась до окончания работы (примерно 10 дней), затем сдавалась цеховому конторщику, являясь одновременно основанием для выплаты зарплаты. На основании рабочих карточек ТНБ рассчитывал средние нормы выработки, дополняя их данными хронометража. Дополнительно составлялись диаграммы, показывающие невыработку и переработку. Цель повседневной работы ТНБ – контроль фактического выполнения нормы, разработка норм на новые изделия с помощью хронофотокарт. Хронофотокарты фиксировали точное время, затраченное на ту или иную работу, деталь, прием. Однако ТНБ работали обособленно, не привлекая рядовых рабочих, не учитывали фактических изменений уже установленных норм. Зачастую работники ТНБ были плохо знакомы с производством. Работали очень медленно. Например, на текстильных фабриках часто практиковалась перезаправка машин на другие сорта, что требовало установления новых норм выработки. У ТНБ уходило на это два месяца, и непонятно было, как же платить рабочим в это время.

использованием научной организации труда, которая трактовалась главным образом с идеологической точки зрения. В этот период советские нотовцы занимались не только изучением тейлоризма и фордизма, но и разработкой собственных оригинальных концепций. В организованном А. К. Гастевым Центральном институте труда, который находился в ведении ВЦСПС, велись поиски рациональных трудовых движений, рациональной организации рабочего места, цеха, предприятия. При этом главное внимание было обращено на выявление методов активизации способностей работника.

В 1924 г. в ЦИТе была разработана специальная методика быстрого и массового обучения трудовым приемам и операциям. Она сопровождалась рядом лабораторных исследований и экспериментов в области биомеханики, энергетики и психотехники. Эта методика позволяла за три-шесть месяцев подготовить высококвалифицированного рабочего, тогда как в школах ФЗУ для этого требовалось три-четыре года [8; 9; 10 и др.].

Для внедрения своих методик и установок коллектив института организовал опытные станции и Орга-станции ЦИТа на крупнейших предприятиях: «Искромет», «Электросила» и др. Их деятельность строилась на основе договоров с заводоуправлениями. Исследуя на месте организацию работы, они составляли производственный баланс, в котором содержался оптимальный расчет объема работы и необходимых для ее выполнения оборудования и рабочих. Станции работали над увеличением коэффициента полезного действия оборудования, уплотнением рабочего времени персонала, согласованием работы машины и человека, рассматривая рабочего как живой придаток и составную часть машины, рационализацией внутривы производственных отношений между заводскими цехами и отделениями.

Одна из первых орга-станций ЦИТа была создана в январе 1924 г. на московском заводе «Металлампы» [20. С. 64-65.]. Это был единственный завод в России, производивший крайне необходимые керосиновые лампы, горелки и керосиновые кухни. Надо отметить, что деятельность станций не была нацелена исключительно на повышение норм выработки, чего всегда опасались рабочие. В ходе их работы выяснялось действительное положение на производстве. Так, детальные наблюдения над производством путем фотографий рабочего дня и хронометража отдельных операций показали, что нормы по наиболее опасным штампочным операциям на «Металлампе» слишком завышены и их следует понизить. Кроме того,

станция предложила снять с рабочих ответственность за брак, полученный на предыдущей операции, так как на отбор брака они тратили больше времени, чем на саму операцию. Выяснилось также, что большой процент простоя станков (до 40 %) зависит от отсутствия материала. Попутно были выработаны нормы снабжения рабочих прозодеждой, при этом, что очень важно, с указанием типа прозодежды и сроком ее службы. Орга-станция предложила также навести элементарный порядок в механическом цехе завода: убрать все лишние предметы, валяющиеся на полу и столах, приобрести измерительные инструменты. Большие недостатки были выявлены и в использовании рабочей силы. В связи с этим предлагалось перевести рабочих на сдельную систему оплаты. В итоге своей работы станция сделала вывод, что в результате рационализации «Металлампы» мог бы на десятки процентов увеличить выпуск продукции при уменьшении ее себестоимости.

Большое внимание уделялось рационализации текстильной промышленности. Так, целый ряд изменений в организации производства и складирования был предложен орга-станцией, работавшей на 1-й Ситценабивной фабрике Трехгорной мануфактуры [20. С. 68-69; 20. № 5. С. 63-64]. В связи с предложенной новой системой организации работы можно было вдвое сократить штат швейно-клеймильной части, а оставшимся рабочим повысить зарплату вдвое. При переходе к новой системе станция рекомендовала ввести урочно-премиальную систему оплаты. Были предложены меры и по улучшению условий труда: усилить освещение и вентиляцию, включить расправляющие ткань бруски в пылеуловители, сделать автоматическое устройство для закрывания входных дверей, чтобы предотвратить сквозняки.

Однако самой трудной и сложной частью работы, по признанию сотрудников станций, являлось обучение рабочих разработанным рациональным приемам работы.

В 1927 г. по инициативе ЦИТ было создано акционерное общество «Установка», являвшегося посредником между институтом и предприятиями при подготовке рабочей силы и внедрении методов НОТ. Им было подготовлено по методикам ЦИТа сотни тысяч рабочих и десятки тысяч инструкторов производства [33].

Одним из главных достижений НОТовского движения в 1920-е гг. была его массовость и активный отклик населения. Оно разворачивалось под лозунгом «НОТ – философия трудящихся». Однако постепенно вопросы идеологии стали доминировать над научными и практическими за-

дачами. Наметился поворот НОТ в сторону ускоренного внедрения ее достижений в народное хозяйство. От специалистов и ученых требовали скорейших результатов. При этом идеологический, агитационный подход к НОТ, порой, заслонял собой сложности внедрения новой техники. В 30-е гг. НОТовское движение было свернуто, институты и журналы закрыты, часть ученых, в том числе и А. Гастев, репрессированы, а лозунг «НОТ - философия трудящихся» забыт.

Профсоюзы и переход к реконструкции промышленности

Осенью 1925 г. неожиданно для многих в руководстве профсоюзов заговорили о широкой демократии. Речь шла о выборности всех профсоюзных органов и о финансовой независимости профсоюзов. «Профсоюз есть самостоятельная рабочая организация, живущая на свои средства, самообслуживающаяся. Мы в ВЦСПС провели линию на полный отход с государственной субсидии»¹, - заявил Томский в октябре 1925 г. в связи с предстоящим докладом на XIV съезде партии. Проявлением профсоюзной демократии и защитой экономических интересов членов союзов являлось также предварительное обсуждение колдоговоров на общих и делегатских собраниях. В ряде мест перед началом колдоговорной кампании созывались производственные конференции хозяйственных объединений для обсуждения отчетных докладов хозорганов.

Откликаясь на это веяние, находившийся в эмиграции бывший участник профсоюзного движения меньшевик С. Шварц писал, что официальные попытки демократизации профсоюзов носят бутафорский характер. «В основе всех “демократических” заявлений вождей русского коммунизма, - по его мнению, - лежит глубоко недемократическая идея: предоставить известную меру свободы экономической организации различных групп и классов населения лишь в тех пределах, в каких это совместимо с сохранением монополии политического представления всех интересов за коммунистической партией» [31. С. 7]. Шварц писал также о том, что рабочие перестали мириться с превращением профсоюзов в партийный департамент по рабочему вопросу, поэтому перед ними встает опасность резкого отчуждения масс от союзов, опасность того, что активность масс найдет свое выражение помимо союзов.

В 1925 г. стало резко меняться и социальное “лицо” членов союзов. Значительно увеличилась

численность рабочих: на 19 % в 1924 г., на 20 % в 1925 г. Рост численности рабочего класса продолжался и в последующие годы. За год, с августа 1926 г. по август 1927 г., произошло увеличение на 132 тыс.²

Прирост происходил главным образом за счет выходцев из деревни, но были здесь и подростки из пролетарских семей, и рабочие, которые во времена голода ушли в деревню. К 1925 г., за два года на 1 млн выросло и количество членов профсоюзов. В результате образовалось два слоя в рабочем классе. В связи с этим появились опасения, что профсоюзы столкнутся с совершенно новым рабочим классом, у которого нет революционной закалки, низкий культурный уровень.

Томский сравнивал сложившееся положение с кашей у плохой хозяйки: начала варить, а потом подсыпала крупу и получилась двухэтажная каша. Одна сварилась, а другая – сырая. Он нарисовал портрет представителя этого второго слоя: «Я столкнулся в Иваново-Вознесенске с таким типом рабочего, которого в Москве нет. В понедельник он приезжает с котомкой за плечами, снимает за 2 рубля столько места, чтобы можно было лечь, постель его состоит из пиджака и штанов. Всю неделю он живет, а в субботу идет за покупками, необходимыми в деревне, чтобы в субботу опять отправиться в деревню. Сравнить его с московскими печатниками, металлистами, текстильщиками и так далее, которые интересуются общественной жизнью, читают газету, бывают на собраниях и сознательно относятся к явлениям жизни, такие вещи не терпимы»³. В связи с увеличением количества рабочих перед союзами стояла задача «переварить, усвоить, ассимилировать, воспитать и поднять под общий уровень рабочего класса», чтобы не было двух слоев.

В результате массового притока на производство новых кадров, в основном низкой квалификации, основной фигурой на предприятиях стал необразованный и низкоквалифицированный рабочий, что не могло не повлиять на общую обстановку на производстве. Массовый характер приобрели прогулы, хищения, сознательное уменьшение выработки. В конечном итоге замедлился рост производительности труда.

К середине 1920-х гг. «восстановительный эффект», обеспечивавший рост экономики за счет использования ранее законсервированного оборудования, закончился. На первый план вышла проблема коренной реконструкции промышленности и поиска средств для ее осуществления.

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5451, Оп. 42, Д. 103, Л. 91.

² ГАРФ, Ф. 5451, Оп. 42, Д. 140, Л. 29.

³ Там же, Д. 103, Л. 50.

Так как возможности заимствования денег за рубежом не было, в качестве основного источника финансирования рассматривалась прибыль в госсекторе промышленности. А это означало, что производительность труда в промышленности должна расти быстрее зарплаты.

В связи с провозглашением опоры на внутреннюю прибыль среди профессионалистов стали раздаваться упреки в том, что промышленность строится на капиталистической эксплуатации. Отвечая на эти заявления, Томский разъяснял, что другого источника получения накопления, кроме прибавочной стоимости за счет труда, не существует. «Если вы будете давать рабочему то, что он заработал, то вы придете на голое место. Промышленность развивается либо на грабеже мужика, на капиталистической эксплуатации, либо на поднятии производительности, интенсивности труда рабочего, на прибавочной ценности»¹, - утверждал он. В качестве объяснения социальной справедливости такого присвоения при социализме Томский указывал на то, что капиталист берет прибыль себе, а в советском государстве она идет на общественные нужды.

Весной 1926 г. в поисках новых оснований для очередного витка в борьбе за повышение производительности труда руководство страны выдвинуло лозунг режима экономии. Широкие массы на местах увидели в нем способ преодоления бесхозяйственности на производстве, а также восстановления социальной справедливости в отношении высокой оплаты труда спецов и руководителей. Повышение производительности труда предполагалось осуществить за счет уменьшения прогулов, простоев, ужесточения правил внутреннего распорядка. Однако довольно быстро выяснилось, что зачастую идет наступление на законные права рабочих: экономия средств на мерах по охране труда, снижение накладных расходов за счет сокращения лишних рабочих, увольнения инвалидов, закрытие детских яслей на предприятиях. Обоснование возможности отхода от социальных завоеваний появились и в авторитетной партийной печати. «Некоторые рабочие стали привыкать к тому, - говорилось, в частности, в журнале «Большевик», - что уровень их жизни защищен и законом и целым рядом пролетарских организаций, и они могут на этой почве позволять себе безнаказанно понижать и нарушать дисциплину труда» [1. С. 30].

Естественно, что профсоюзы не могли согласиться с такой позицией хозяйственников, имевшей большую поддержку и в партийных орга-

нах. Заявляя о несогласии, руководство союзами апеллировало к резолюции XI съезда партии о задачах профсоюзов в условиях нэпа. В ней говорилось о необходимости защиты рабочих в связи с конфликтом их интересов с интересами руководителей предприятий и хозяйственных ведомств. Отстаивания своих интересов требовали и члены союзов².

Курс на рационализацию производства

С осени 1926 г. усилилось внимание к вопросам рационализации, которые являлись составной частью режима экономии. С марта 1927 г. рационализация вышла на первый план, превратившись в самостоятельную кампанию, в которую вошли также борьба с бюрократизмом, режим экономии и поднятие производительности труда. Главное внимание было обращено на внедрение мелких технических новшеств рабочих-изобретателей, не требовавших больших вложений. Как правило, они касались экономии топлива, сырья, совершенствования инструментов и механизмов. Среди задач по агитационному сопровождению кампании в обязанности профсоюзов входила задача создания положительного образа кампании среди рабочих. Они должны были ставить вопросы кампании на обсуждение общих собраний, производственных совещаний и производственных комиссий, контролировать их работу по рационализации.

Если на производстве рационализация рассматривалась как устранение мелких недостатков, то в среде специалистов господствовало мнение о необходимости масштабной рационализации на основах научной организации труда, с использованием передового зарубежного, прежде всего, американского опыта [23]. Следует отметить что к середине 1920-х гг. немалое количество специалистов, рабочих и профсоюзных работников побывали в длительных командировках на предприятиях США и имели мнение, основанное на личных впечатлениях.

Во многом переход на новую организацию труда был осуществлен благодаря тому, что на предприятиях появилось много новых рабочих-выходцев из деревни, не имевших опыта работы и стоявших вне трудовых традиций. Они не могли сравнить степень интенсивности труда при старых и новых порядках. Совсем другие настроения господствовали среди квалифицированной

¹ ГАРФ, Ф. 5451, Оп. 42, Д. 103, Л. 95.

² Так, объясняя провал руководства союза кожевников на съезде в Иркутске, бюро фракции Сибкрайсовпрофа указало на ошибки в проведении режима экономии и невнимательное отношение к настроениям членов союза. ГАРФ, Ф. 5451, Оп. 42, Д. 136, Л. 302.

части рабочих, которые понимали, что идет повышение интенсивности труда за счет их физических сил и здоровья. Определенной возможностью улучшить свое материальное положение являлось внесение изобретений и рацпредложений, которые стали вознаграждаться из специальных фондов содействия рабочему изобретательству. «Нам в последнее время пришлось столкнуться с некоторым отрицательным отношением к реформе со стороны квалифицированных рабочих, - отмечал глава профсоюза текстильщиков Мельничанский весной 1928 г. - Они были недовольны тем, что зарплата повышается только у низкооплачиваемых групп. Такое настроение показывает, как важна толковая разъяснительная работа» [29]. Такая работа непосредственно на производстве велась через цеховые бюро и цеховые подкомиссии.

В текстильной промышленности наряду с рационализацией производства была проведена кампания по введению трехсменной работы и семичасового рабочего дня. По мнению руководства союза текстильщиков, она прошла без достаточной подготовки со стороны хозяйственников, поэтому у многих осталось чувство неудовлетворенности. Для успешного проведения всех этих мероприятий было необходимо обеспечить производство хорошим подсобным материалом, сырьем лучшего качества, привести в полный порядок оборудование, улучшить охрану труда. За счет особой подготовки как квалифицированных, так и подсобных рабочих, освободить от излишних операций рабочих, переведенных на уплотненные работы. «Если бы все это было сделано вовремя, мы сразу бы имели большой эффект от перехода на три смены» [28], - констатировал Мельничанский на 8 съезде союза текстильщиков. Он вновь подтвердил принципиальную линию в тарифной политике профсоюзов. Теперь возможность повышения зарплаты зависела не только от поднятия производительности труда, но еще и от рационализации производства.

Улучшение материального положения рабочих было связано с перспективами развития промышленности, поэтому вопросы рационализации, капитального строительства находились в центре внимания союзов. «Известно, что мы не в состоянии строить много новых фабрик и поэтому вы-

нуждены сосредоточиться на рационализации производства. Не секрет, что отдельные группы рабочих возражают против этого, опасаясь, ухудшения условий труда. Мы должны разъяснять в таких случаях, что рационализация должна идти не за счет увеличения мускульной нагрузки, а преимущественно путем улучшения техники и организации производства,» - говорил Мельничанский [28]. В действительности, в систему мер по рационализации производства входила не только интенсификация труда, но и экономия средств за счет ухудшения условий труда, сокращения социальных услуг на производстве.

Подводя некоторые итоги, следует отметить, что главная роль в массовых хозяйственных кампаниях на производстве принадлежала партийному руководству. Профсоюзы занимались продвижением партийных установок на местах, непосредственно на предприятиях, агитируя и разъясняя суть мероприятий. Они действовали через фабзавкомы, цеховые бюро и цеховые комиссии. Большое значение приобрели производственные совещания. Профсоюзам приходилось также отражать волны справедливого недовольства рабочих, стремиться сглаживать конфликтные ситуации.

Стремление к увеличению интенсивности труда, проведение режима экономии, в том числе и за счет социальных расходов, перевод на многостаночную и конвейерную работу отрицательно сказывались на условиях труда и быта рабочих во второй половине 1920-х гг. Не случайно рабочие, сравнивая порядки на производстве с дореволюционными, зачастую говорили, что тогда было легче работать. Таким образом, на практике проявлялась противоположность социальных интересов рабочих и руководителей предприятий и ведомств. В этих условиях основная функция профсоюзов по защите трудящихся приобретала исключительное значение. Однако, несмотря на внешние признаки общественной организации, они являлись частью государственного аппарата и не могли на практике противодействовать партийно-государственной верхушке. Кроме того, многие права профсоюзов: принцип выборности, финансовой независимости - носили декларативный характер, а высшее руководство назначал ЦК партии.

Список литературы

1. Большевик. - 1926. - № 12.
2. Борисова, Л. В. Военный коммунизм: насилие как элемент хозяйственного механизма / Л. В. Борисова. - М., 2001.
3. Борисова, Л. В. Трудовые отношения в советской России (1918-1924 гг.) / Л. В. Борисова. - М., 2006.

4. Борисова, Л. В. «Советский тред-юнионизм»: профсоюзы и забастовочная борьба в годы нэпа / Л. В. Борисова // Отечественная история. – 2007. – № 6. – С. 88–98.
5. Борисова, Л. В. Профсоюзы и власть в России: от борьбы к взаимодействию (конец XIX – первая четверть XX века) / Л. В. Борисова // The Soviet and Post-Soviet Review. – California, 2007. – Vol. 34, no. 2. – Pp. 197-228.
6. Борисова, Л. В. “Никто за нас, как мы сами за себя”: социальные практики мотивации и стимулирования труда на предприятиях советской России в 1920-е гг. / Л. В. Борисова // Ист. записки. – 2014. – Вып. 15 (133). – С. 262-291.
7. Бородкин, Л. «Не рублем единым»: Трудовые стимулы рабочих-текстильщиков в дореволюционной России / Л. Бородкин, Т. Валетов, Ю. Смирнова, И. Шильникова. – М., 2010.
8. Гастев, А. К. Трудовые установки / А. К. Гастев // Организация труда. – 1924. – № 1.
9. Гастев, А. К. Установка производства методом ЦИТа / А. К. Гастев. – М., 1927.
10. Гастев, А. К. Нормирование и организация труда / А. К. Гастев. – М., 1927.
11. Гимпельсон, Е. Г. НЭП и советская политическая система. 20-е гг. / Е. Г. Гимпельсон. – М., 2000.
12. Журавлев, С. В. “Крепость социализма”: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. / С. В. Журавлев, М. Ю. Мухин. – М., 2004.
13. Касьяненко, В. И. Борьба трудящихся за техническую независимость промышленности (1926-1932) / В. И. Касьяненко. – М., 1960.
14. Кирьянов, Ю. А. Мотивация фабрично-заводского труда в России в зеркале профсоюзной прессы 20-х гг. XX века / Ю. А. Кирьянов // Экономическая история. Обозрение. – М., 2001. – Вып. 7. – С. 13-26.
15. Киселев, А. Ф. Проблемы становления профсоюзов как составной части советской политической системы / А. Ф. Киселев // Советы и другие общественные организации. – М., 1989.
16. Киселев, А. Ф. Профсоюзы и советское государство. Дискуссии 1917-1920 / А. Ф. Киселев. – М., 1991.
17. Кузьмин, В. И. В борьбе за социалистическую реконструкцию. 1926-1937 / В. И. Кузьмин. – М., 1976.
18. Маркевич, А. “Магнитка близ Садового кольца”: Стимулы к работе на Московском заводе “Серп и молот”, 1883-2001 / А. Маркевич, А. Соколов. – М., 2005.
19. Носач, В. И. Профессиональные союзы России (1905–1930) / В. И. Носач. – СПб., 2001.
20. Орг-станция ЦИТа на заводе «Металлам» // Организация труда. – 1924. – № 4.
21. Остапенко, И. П. Участие рабочего класса СССР в управлении производством / И. П. Остапенко. – М., 1964.
22. Производственный журнал. – 1927. – № 8. – С. 17.
23. Папернов, З. А. Борьба американцев с непроизводительными потерями в промышленности / З. А. Папернов. – М., 1924.
24. Сафонова, Е. И. Мотивация труда на фабрике “Трехгорная мануфактура” в первые годы Советской власти / Е. И. Сафонова, Л. Бородкин // Историко-экономические исследования. – 2002. – № 1. – С. 55–87.
25. Соболев, Э. Н. Профсоюзы в системе регулирования социально-трудовых отношений / Э. Н. Соболев // Социальное измерение экономических процессов. – М., 2009.
26. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.). – 1925. – Т. 3, ч. 1. – М., 2002.
27. Струмилин, С. Г. Питание петроградских рабочих в 1918 г. / С. Г. Струмилин // Новый путь. – 1919. – № 4–5.
28. Труд. – 1928. – 3 апр.
29. Труд. – 1928. – 5 апр.
30. Ульянова, С. Б. “То на скаку, то на боку”: Массовые хозяйственно-политические кампании в петроградской/ленинградской промышленности в 1921–1928 гг. / С. Б. Ульянова. – СПб., 2006.
31. Шварц, С. Профсоюзы в условиях хозяйственного подъема / С. Шварц // Социалистич. вестн. – 1925. – № 20.
32. Шестой съезд профессиональных союзов СССР (11–18 ноября 1924 г.). – М., 1925.
33. ЭКО. – 1983. – № 6.

Сведения об авторе

Борисова Лариса Владимировна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения новейшей истории и политологии России Российской академии наук, г. Москва.
lar-bor@mail.ru

THE TRADE UNIONS AND THE RATIONALIZATION OF PRODUCTION IN THE 1920s: RHETORIC AND EVERYDAY LIFE

L. V. Borisova

Russian Academy of Sciences. lar-bor@mail.ru

In the country's economy by the mid-1920s the problem of production rationalization came to the fore, part of which was the problem of increasing productivity. It was done through mass economic campaigns. Trade unions played an important role. They promoted the party policy through its enterprise branches (fabzavkom, workshop bureau, workshop commission, production meeting), by agitating and explaining the essence of the events. The organization's activity-stations played a leading part in the implementation of labor scientific organization at the place of production.

The increase of labor intensity, economy mode, including social expenditure, transition to multiple machine and conveyor work assisted to achieve the goals to a large extent, but it affected negatively working conditions and life of workers, and often resulted in strikes. Thus, the social interests of workers and heads of enterprises and departments were opposed in reality. In these circumstances the main function of trade unions to protect workers gained exceptional significance. They had to reflect a fair discontent, try to smooth out conflicts.

Keywords: *The Soviet trade unions, the NEP, Tomskiy, increase productivity, strikes, wages.*

References

1. *Bol'shevik* [Bolshevik], 1926, no. 12. (In Russ.).
2. Borisova L.V. *Voennyj kommunizm: nasilie kak jelement hozjajstvennogo mehanizma* [Military communism: violence as element of an economic mechanism]. Moscow, 2001. (In Russ.).
3. Borisova L.V. *Trudovye otnoshenija v sovetskoj Rossii (1918–1924 gg.)* [Labor relations in Soviet Russia (1918–1924)]. Moscow, 2006. (In Russ.).
4. Borisova L.V. «Sovetskij tred-junionizm»: profsojuzy i zabastovohnaja bor'ba v gody njepa [“Soviet trade-unionism”: trade-unions and strikes during NEP]. *Otechestvennaja istorija* [National history], 2007, no. 6, pp. 88–98. (In Russ.).
5. Borisova L.V. Profsojuzy i vlast' v Rossii: ot bor'by k vzaimodejstviju (konec XIX-pervaja chetvert' XX veka) [The trade unions and power in Russia: the struggle to interact (the end of XIX-first quarter XX century)]. *The Soviet and Post-Soviet Review*. California, 2007, vol. 34, no. 2. Pp. 197-228. (In Russ.).
6. Borisova L.V. “Nikto za nas, kak my sami za sebja”: social'nye praktiki motivacii i stimulirovanija truda na predpriyatijah sovetskoj Rossii v 1920-e gg. [“None will take a better care of us than ourselves”: the social practices of labor motivation and stimulation at enterprises in Soviet Russia in the 1920s.]. *Istoricheskie Zapiski* [Historical Records], 2014, iss. 15 (133), pp. 262-291. (In Russ.).
7. Borodkin L., Valetov T., Smirnova Ju., Shil'nikova I. “*Ne rublem edinyj*”: *Trudovye stimuly rabochih-tekstil'shhikov v dorevoljucionnoj Rossii* [“Not a single ruble”: Labor incentives of textile workers in pre-revolutionary Russia]. Moscow, 2010. (In Russ.).
8. Gastev A.K. Trudovye ustanovki [Labor installation]. *Organizacija truda* [Organization of work], 1924, no. 1. (In Russ.).
9. Gastev A.K. *Ustanovka proizvodstva metodom CITa* [Installation of the production method of the Central Institute of labour]. Moscow, 1927. (In Russ.).

10. Gastev A.K. *Normirovanie i organizacija truda* [Regulation and organization of labour]. Moscow, 1927. (In Russ.).
11. Gimpel'son E.G. *NEP i sovetskaja politicheskaja sistema. 20-e gg* [NEP and Soviet political system. 20-ies]. Moscow, 2000. (In Russ.).
12. Zhuravlev S.V., Muhin M.Ju. "*Krepost' socializma*": *Povsednevnost' i motivacija truda na sovetskom predprijatii, 1928–1938 gg.* ["Fortress of socialism": the Everyday and the motivation at the Soviet enterprise, 1928-1938]. Moscow, 2004. (In Russ.).
13. Kas'janenko V.I. *Bor'ba trudjashhihsja za tehničeskiju nezavisimost' promyshlennosti (1926–1932)* [The workers' struggle for the independence of the technical industry (1926-1932)]. Moscow, 1960. (In Russ.).
14. Kir'janov Ju.A. Motivacija fabrično-zavodskogo truda v Rossii v zerkale profsojuznoj pressy 20-h gg. XX veka [The motivation of factory labor in Russia in the mirror of the press trade Union of the 20th twentieth century]. *Jekonomičeskaja istorija. Obozrenie* [Economic history. Review], 2001, no. 7, pp. 13-26. (In Russ.).
15. Kiselev A.F. Problemy stanovlenija profsojuzov kak sostavnoj časti sovetskoj političeskoj sistemy [Problems of formation of trade unions as an integral part of the Soviet political system]. *Sovety i drugie obščestvennyje organizacii* [Councils and other public organizations]. Moscow, 1989. (In Russ.).
16. Kiselev A.F. *Profsojuzy i sovetskoe gosudarstvo. Diskussii 1917-1920* [The trade unions and the Soviet state. Discussion 1917-1920]. Moscow, 1991.
17. Kuz'min V.I. *V bor'be za socialističeskiju rekonstrukciju. 1926–1937* [In the struggle for the socialist reconstruction. 1926-1937]. Moscow, 1976. (In Russ.).
18. Markevich A., Sokolov A. "*Magnitka bliz Sadovogo kol'ca*": *Stimuly k rabote na Moskovskom zavode "Serp i molot", 1883–2001* ["Magnitka near the Sadovoe ring": the Incentive to work at the Moscow plant "hammer and Sickle", 1883-2001]. Moscow, 2005. (In Russ.).
19. Nosach V.I. *Professional'nye sojuzy Rossii (1905–1930)* [Trade unions of Russia (1905–1930)]. St. Petersburg, 2001. (In Russ.).
20. Orga-stancija CITa na zavode "Metallamp" [Orga-station of the Central Institute of labour at the plant "Metalcamp"]. *Organizacija truda* [Organization of work], 1924, no. 4. (In Russ.).
21. Ostapenko I.P. *Učastie rabočego klassa SSSR v upravlenii proizvodstvom* [Part of the working class of the USSR in production management]. Moscow, 1964. (In Russ.).
22. *Proizvodstvennyj žurnal* [Production magazine], 1927, no. 8. (In Russ.).
23. Papernov Z.A. *Bor'ba amerikancev s neproizvoditel'nymi poterjami v promyshlennosti* [The struggle of Americans with unproductive losses in the industry]. Moscow, 1924. (In Russ.).
24. Safonova E.I., Borodkin L. Motivacija truda na fabrike "Trehgornaja manufaktura" v pervye gody Sovetskoj vlasti [Motivation of labor in the factory "Tryokhgornaya manufactory" in the first years of Soviet power]. *Istoriko-jekonomičeskie issledovanija* [Historical and economic researches], 2002, no. 1, pp. 55-87. (In Russ.).
25. Sobolev Je.N. Profsojuzy v sisteme regulirovanija social'no-trudovyh otnošenij [The trade unions in the system of regulation of socio-labor relations]. *Social'noe izmerenie jekonomičeskikh processov* [Social measurement of economic processes]. Moscow, 2009. (In Russ.).
26. «*Sovershenno sekretno*»: *Lubjanka – Stalinu o položenii v strane (1922–1934 gg.)* [«Top secret»: Lubianka to Stalin on the nation (1922-1934)]. Moscow, 1925, vol. 3, ch. 1. (In Russ.).
27. Strumilin S.G. *Pitanie petrogradskih rabočih v 1918 g.* [Food workers of Petrograd in 1918]. *Novyj put'* [New way], 1919, no. 4-5, pp. 9-10. (In Russ.).
28. *Trud* [Work], 1928, 3 apr. (In Russ.).
29. *Trud* [Work], 1928, 5 apr. (In Russ.).
30. Ul'janova S.B. "To na skoku, to na boku": *Massovyje hozjajstvenno-političeskie kampanii v petrogradskoj/leningradskoj promyshlennosti v 1921–1928 gg.* ["Then on to the Lope, on the side": Mass domestic political campaigns in Petrograd/Leningrad industry in 1921–1928]. St. Petersburg, 2006. (In Russ.).
31. Shvarc S. Profsojuzy v uslovijah hozjajstvennogo podema [Trade unions in conditions of economic rise]. *Socialističeskij vestnik* [The Socialist messenger], 1925, no. 20, p. 7. (In Russ.).
32. *Šestoj sezd professional'nyh sojuzov SSSR (11-18 nojabrja 1924 g.)*. *Stenogr. Otčet* [The sixth Congress of trade unions of the USSR (November, 1924)]. Moscow, 1925. (In Russ.).
33. *JeKO* [EKHO], 1983, no. 6. (In Russ.).